

ЭФОРУМ

№ 5 (41) декабрь, 2014 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗНАКОМИМСЯ.....2

Вероника Зигль: «Хочется смягчить эмоциональные и осуждающие споры вокруг темы суррогатного материнства»

УЗНАЕМ.....5

Легитимация неформальных платежей в глазах сотрудников полиции

УЧИМСЯ.....11

Социология и канадский рынок труда

ШУТИМ.....13

Лавка экономико-социологических чудес!

Уважаемые читатели!

Декабрь – это время не только подведения итогов, но и формулирования новых целей. Но, как мы знаем из «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, загадывать желания тоже нужно уметь. Дабы не остаться «у разбитого корыта», как нас предостерегают в сказке, важно быть умеренным в своих желаниях. Требование умеренности, по всей видимости, объясняется тем, что любое желание должно быть нам по силам. Ведь его исполнение предполагает дополнительное усилие с нашей стороны. Может, поэтому у рыбака не было желаний, его вполне устраивали старое корыто и покосившаяся изба? Предлагаем вашему вниманию декабрьский номер «ЭСФорума», который, мы надеемся, поможет читателям правильно определиться со своими желаниями.

В рубрике «Знакомимся» представлено интервью с Вероникой Зигль, научным сотрудником Института социальной антропологии Университета Берна, Швейцария. В нем она рассказывает о своем интересе к вопросам транснационального суррогатного материнства, для изучения которых она приехала в Россию. В отличие от многих западных стран – например, Швейцарии – в России суррогатное материнство и пересадка яйцеклетки официально разрешены, в результате чего она оказывается привлекательной с точки зрения «репродуктивного туризма». Так, из стран дальнего зарубежья в Россию едут пары, желающие иметь ребенка, а из ближнего зарубежья – женщины, готовые на такую сложную и эмоционально нагруженную работу. Интервью провела стажер-исследователь ЛЭСИ Анастасия Шершнева.

В рубрике «Узнаем» опубликовано эссе старшего научного сотрудника ЛЭСИ Елены Бердышевой, где она обсуждает аргументы, при помощи которых российские полицейские легитимируют неформальные экономические практики. По мнению автора, неудовлетворенность заработной платой является важным, но далеко не единственным оправданием коррупции. Также стоит добавить, что сотрудники полиции трактуют свою работу в первую очередь как борьбу с преступностью, но не как обеспечение правопорядка. Более того, неформальная деятельность полицейских во многом опирается на групповые нормы и плотные профессиональные сети, неподчинение которым для отдельно взятого сотрудника непременно обернется обструкцией.

В рубрике «Учимся» помещен перевод статьи Нила Гуппи, профессора факультета социологии Университета Британской Колумбии, Канада. В ней автор пытается помочь студентам, которые задаются правомерным вопросом: «Ну и что мне делать с этим бакалаврским дипломом по социологии?». (Вместо социологии можно подставить любую другую дисциплину, например антропологию, историю, политические науки, географию и проч.) Слабое сцепление рынка труда и образования, доказывает профессор Гуппи, не означает, что у выпускников нет шанса найти хорошую оплачиваемую работу, а подразумевает лишь то, что им необходимы дополнительные навыки для распознавания профессиональных занятий, где приобретенные знания позволят построить успешную карьеру. В статье приводится длинный список видов работ, которые часто выполняют социологи. В рубрике «Шутим» предлагается упражнение «Волшебная лавка», которое поможет читателям сосредоточиться на целях и осознать, что за их реализацию всегда приходится платить. Правда, в этот раз в лавке представлен узкий ассортимент, состоящий только из экономико-социологических чудес.

С пожеланием приятного чтения,
создатели «ЭСФорума»

Вероника Зигль: «Хочется смягчить эмоциональные и осуждающие споры вокруг темы суррогатного материнства»

Вероника Зигль
научный сотрудник Института
социальной антропологии
Университета Берна, Швейцария

Перевод с англ. Анастасии
Шершневой. Науч. ред. – Елена
Конобеева.

– **Вы приехали в Москву совсем недавно. Вам нравится здесь?**

– Сейчас – нравится. На самом деле у меня двойственное ощущение от этого города. Я жила в Москве в 1990-х годах, тогда многое было по-другому, поэтому мне казалось, что будет сложно. Я приезжала в Москву еще и в прошлом году. По разным причинам у меня остались не очень хорошие впечатления от этой поездки, но в этот раз мне очень повезло. Сейчас я живу в прекрасном месте с замечательными людьми, а

мое исследование продвигается в нужном направлении. К тому же я наслаждаюсь возможностью посещать множество культурных мест и музыкальных мероприятий.

Добавлю, что у моей семьи сильные связи с Россией: мои родители эмигрировали в 1970-х годах, и в нашем доме присутствует множество элементов русской культуры. Я не хочу терять эту связь.

– **Почему вы выбрали именно Высшую школу экономики?**

– Я учусь в Университете Берна в Швейцарии, который является партнером ВШЭ. Здесь я, скорее, не как студентка, а как приглашенный исследователь. Мне помогли оформить визу, предоставили рабочее место, я могу пользоваться всеми необходимыми ресурсами ВШЭ. Кроме того, я хожу на курсы русского языка при ВШЭ.

– **Как вы думаете, отличается ли ВШЭ от других европейских университетов?**

– Одно из заметных отличий – это возраст студентов. В России молодые люди начинают учиться в вузе в шестнадцать-семнадцать лет, а в Австрии или Швейцарии – в восемнадцать лет и старше. И в общей сложности там студенты учатся намного дольше. Но так как я не посещаю

– **Давайте поговорим о вашей академической деятельности. Как формировались ваши исследовательские интересы?**

– Мои интересы разнообразны. Например, я увлекалась феминистическими теориями, занималась вопросами социальных движений, антирасизма и миграции. Моя магистерская работа была посвящена изучению антирасистских групп с позиции теории пересечений (*intersectionalities*). Основной вопрос, который меня интересовал, – как объединение активистов могло признать, что в обществе индивиды занимают разные позиции в силу ряда факторов (например, этнической принадлежности, гендера, класса и проч.), но в то же самое время расширяют пределы своих идентичностей и групповых принадлежностей, делая возможным совместные действия. Такое положение дел можно назвать «поперечной политикой» (*transversal politics*)¹.

Я состояла в антирасистской группе около года. В итоге мне удалось провести включенное наблюдение и ряд полуформализованных интервью с активистами. Достаточно сложно сформулировать основные результаты в одном предложении, но один важный вывод заключается в том, что не существует «рецепта» для проведения «поперечной

политики», необходимо всегда принимать во внимание специфичность

Артистка разговорного жанра:

– **Каждая женщина вправе решать сама, хочет ли она стать матерью. Если да, то остановить ее не сможет ничто. Главное, чтобы суррогатное материнство не стало панацеей.**

Источник: Опубликовано в РГ (Неделя) № 6204 от 10 октября 2013 г.
URL: <http://www.rg.ru/2013/10/10/materinstvo.html>

учебные курсы в ВШЭ, мне сложно сказать, каким образом проявляется это отличие. Непривычно для меня и то, что в департаменте социологии ВШЭ больше всего внимания уделяется количественным методам исследования. Это не похоже на мое окружение, где выражен интерес к качественной методологии, поскольку по образованию я социальный и культурный антрополог.

¹ Поперечная политика – политика, основанная на признании концептуальных и политических различий между людьми, но в то же время акцентирующая внимание на необходимости диалога при наличии разных точек зрения. Поперечная политика признает, что различия важны, однако представления о различиях должны соотноситься с представлениями о равенстве, а не заменять их.

контекста, например, если дискуссия или движение направлены на более широкую публику.

– Расскажите, пожалуйста, о проекте, которым вы занимаетесь сейчас. Каков основной вопрос исследования?

– В настоящее время я занимаюсь исследованием транснационального суррогатного материнства. Мой исследовательский вопрос очень широкий: как используются моральные нормы и ценности для оценки, легитимации и управления личными взаимоотношениями, возникающими в международной сфере репродуктивных технологий. Я намеренно не сужаю этот вопрос, чтобы быть готовой к возможным неожиданным поворотам в ходе полевой работы. Особенно важным аспектом данного вопроса является конфиденциальность – сокрытие беременности (в случае суррогатных матерей) или, наоборот, не-беременности (в случае женщин, желающих стать матерями).

Вопрос морали я изучаю на трех уровнях. Первый уровень относится к национальным и транснациональным акторам (государствам, наднациональным организациям, общественным институтам), частным компаниям и законодательной базе; второй уровень включает рассмотрение публичных дискурсов, а третий – наиболее важный уровень – подразумевает индивидуальный опыт и ожидания участников сферы репродуктивных технологий.

Я решила заняться исследованием суррогатного материнства, потому что это довольно спорная и эмоционально «нагруженная» тема. Кажется, что у каждого свое мнение по данному вопросу, но большинство ничего не знает о суррогатном материнстве. Это придает дополнительный интерес данной области исследова-

ний. Работ, посвященных непосредственно суррогатным матерям, не так много, поэтому моя задача – как можно больше узнать об их жизненных историях и опыте в услови-

свой выбор на России еще и потому, что ее постсоветский период развития выступает специфическим контекстом для изучения вопросов коммерциализации.

Олимпийская чемпионка по плаванию:

– Я не имею права осуждать тех, кто использует суррогатную мать из-за проблем со здоровьем. В их случае это может быть единственным шансом.

Источник: Опубликовано в РГ (Неделя) № 6204 от 10 октября 2013 г.
URL: <http://www.rg.ru/2013/10/10/materinstvo.html>

ях реализации программы суррогатного материнства. При этом я также хочу больше узнать о врачах и юристах, работающих в этой сфере, и особенно о людях, планирующих стать родителями, которые приезжают в Россию из Евросоюза.

– Почему вы решили проводить исследование в России?

– В России законодательная база по вопросам регулирования репродуктивных технологий минималистская и фрагментарная. При этом, в

Теле- и радиоведущая:

– Я – православная христианка, мое мнение в этом вопросе полностью совпадает с социальной концепцией РПЦ. Детей жалко.

Источник: Опубликовано в РГ (Неделя) № 6204 от 10 октября 2013 г.
URL: <http://www.rg.ru/2013/10/10/materinstvo.html>

отличие от многих западных стран (например, Швейцарии), в России суррогатное материнство и пересадка яйцеклетки легально разрешены. Это становится причиной так называемого «репродуктивного туризма» в Россию (не менее популярны в этом отношении Индия, Мексика и США), поэтому в моей работе я также задаюсь вопросом об отношениях между Западом и Востоком в данном контексте. Я остановила

– Какие методы вы используете? С какими ограничениями и трудностями вам приходится сталкиваться в ходе исследования?

– Я опираюсь на качественные методы. Первым этапом станет проведение интервью с тремя группами людей: будущими родителями из Западной Европы, суррогатными матерями, проживающими в

России или приехавшими сюда на работу (часто суррогатные матери являются выходцами из Украины или Беларуси), и посредниками, т.е. со всеми, кто соединяет первые две группы, – медиками, юристами, психологами, различными агентствами. На втором этапе я планирую провести включенное наблюдение. Таким образом, хочу сопровождать людей в течение года. Надеюсь, что мне удастся посмотреть на то, как люди ведут себя на практике в различных ситуациях. Ведь в интервью приходится иметь дело с дискурсивным уровнем, т.е. с тем, как и что люди говорят, а если обратиться к социальной практике, то обнаруживается их реальное поведение. Я считаю, что оба эти метода важны для этнографического исследования, поэтому очень надеюсь, что смогу сопровождать суррогатных матерей на протяжении нескольких ме-

сяцев, как в домашней обстановке, так и во время медицинских обследований. Что касается будущих родителей, то мне бы хотелось наблюдать за ними, например, во время их приезда в Москву для заключения договора с агентством или клиникой или с целью забрать новорожденного. Я не собираюсь напрямую спрашивать людей о морали, но она будет выступать призмой или неким фильтром в ходе работы с данными.

– Получается, что основная сложность вашего проекта заключается в том, что люди не будут открыты для интервью?

– Да, это очень важная тема. Суррогатные матери часто сталкиваются с обвинениями в свой адрес. Например, их осуждают за то, что они якобы продают своих детей. Да и какая женщина может пойти на такой шаг? Более того, многие родители скрывают бесплодие. Получается, люди стремятся скрыть тот факт, что они прибегают к технологиям неестественного оплодотворения, вынашивания или рождения детей. Проходит много времени, прежде чем устанавливаются отношения доверия, и это является наиболее серьезным испытанием. Доступ к таким людям очень затруднен. Хотя они обмениваются мнениями в Интернете, и мы можем просматривать эти форумы, но им нельзя написать напрямую и спросить о возможности провести интервью. С чего им соглашаться? Моя самая главная точка доступа – клиники и агентства, поэтому я должна убедить эти институты в том, что моя работа действительно важна, и они могут от этого выиграть, сделав свой вклад в развитие публичной дискуссии о репродуктивных технологиях без мифов и стереотипов.

– Какие существуют аргументы «за» и «против» суррогатного материнства? Есть ли у вас какая-то своя точка зрения?

– Противники суррогатного материнства считают, что неестественно производить на свет детей таким образом – это против Божьей воли, к суррогатным матерям применяются термины «греха» и «порочности», считается, что они имеют психологические проблемы или готовы пойти на все ради денег. В основе этических дебатов лежит вопрос о том, кто имеет право распоряжаться чьей-либо жизнью и решать вопросы жизни и смерти, возни-

кает много разного рода дискуссий. Лично для меня наиболее релевантными являются рассуждения о коммерциализации и капитализации человеческого тела. Защитники в первую очередь говорят о том, что репродуктивные технологии не обязательно деконструируют нормы в том смысле, что у нас появляется возможность подарить ребенка бесплодной семье и создавать семьи, выходя за рамки модели отношений мужчины-женщины. Они также отмечают, что было бы неправильно рассматривать рынок как нечто совершенно свободное от любых социальных, эмоциональных и культурных аспектов. Смешивая интимную и экономическую сферы, люди всего лишь пытаются придать смысл человеческой жизни, пусть и принимая участие в такого рода рыночных отношениях.

Настоятель:

– Это не материнство, а нечистоплотная финансовая махинация. Тело человека – единый организм, несущий на себе отпечаток образа Божия, это храм, в нем живет Бог. Господь изгнал торгующих из храма, а современный человек сдает храм в аренду за деньги как аппарат для вынашивания чужого плода.

Источник: Опубликовано в РГ (Неделя) № 6204 от 10 октября 2013 г.
URL: <http://www.rg.ru/2013/10/10/materinstvo.html>

С одной стороны, репродуктивные технологии несут в себе потенциал деконструкции норм, но с другой – они и способствуют их укреплению. Например, люди, прибегающие к искусственному оплодотворению и суррогатному материнству, теоретически могли бы взять приемных детей, но они желают иметь детей, генетически связанных с ними. Полагаю, что определение семьи через генетическую связь можно также подвергнуть критике. Почему члены семьи обязательно должны быть связаны генетически? В общем и целом мне хотелось бы, чтобы в обществе семейные нормы были реконструированы. Нам следует мыслить о семье в более широком ключе. Ре-

продуктивные технологии сегодня так волнуют общество, потому что гены лежат в основе конструирования семьи. Большинство людей не рассматривают в качестве возможной альтернативы усыновление детей или жизнь без детей. Актуальность репродуктивных технологий снизится, если людям перестанет быть важным иметь ребенка, генетически с ними связанного. Такая концепция семьи и важная роль генетического материнства более сильна в России, чем в Швейцарии или Австрии, где в последние годы наблюдается диверсификация концепций семьи.

– Скажите, что вы думаете о позиции государства? Должно ли государство поддерживать и защищать практику суррогатного материнства?

– Я думаю, что должно. Если у людей нет возможности сделать это в родной стране, они поедут за границу. В любом случае они будут искать возможность реализовать свою потребность. В обществе существует запрос на институциональную поддержку, поэтому можно разработать грамотное регулирование данного вопроса. В российском законодательстве есть весьма интересный пункт. Мать в нем определена как женщина, которая рождает ребенка. В случае же суррогатного материнства возникает неопределенность касательно статуса и будущих родителей, и самих суррогатных матерей. Даже если будет подписан договор, согласно которому суррогатная мать должна отдать ребенка, это будет незаконно, потому что он вступает в противоречие с Семейным кодексом РФ. В такой ситуации родители не могут быть уверены, что им отдадут ребенка, а суррогатная мать – что родители возьмут ребенка. Это очень сложная ситуация для обеих сторон не только с точки зрения закона, но и с эмоциональной точки зрения. Поэтому государство должно устранить противоречия, а также взять на себя инициативу по

защите прав суррогатных матерей. Насколько я знаю, в США договоры, заключаемые между родителями, суррогатными матерями, агентствами и клиниками, более гибкие в этом отношении.

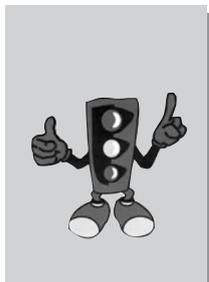
– Какие результаты вы предполагаете получить?

– Сейчас сложно понять, куда меня приведут исследования, ведь я начала собирать интервью только месяц назад. Тем не менее аспект, который, очевидно, проявляется сильнее, чем я ожидала, относится к конфиденциальности. Бесплодные пары и суррогатные матери вынуждены держать все в тайне не только перед обществом в широком смысле, но и перед своими родителями и близкими друзьями. Другой интересный момент заключается в том, чтобы определить транснациональные маршруты суррогатного материнства. Я заметила достаточно сильную связь между Испанией и Россией, а также между Украиной и Россией. Последнее обусловлено не только наличием совместных клиник и агентств, но и интенсивной миграцией суррогатных матерей из Украины в Москву. В связи с этим любопытно посмотреть, как напряженные отношения между Россией и Украиной повлияют на суррогатное материнство.

Вдобавок мне хотелось бы смягчить эмоциональные и осуждающие споры вокруг этой темы. Очень часто суррогатное материнство рассматривается с позиции рынка, на котором рациональные акторы обмениваются товарами, или, в нашем случае, где суррогатные матери продают своих детей. Создается такой апокалиптический сценарий деградации человека. Однако мне бы хотелось внести ясность в понимание того, почему суррогатные матери решаются на такой поступок. Вполне вероятно, что суррогатное материнство не столько связано с материнством, сколько с работой и возможностью получить деньги, за которыми стоит тяжелый и эмоциональный труд. Этот аспект остается незамеченным в публичном дискурсе.

**Беседовала
Анастасия Шершнева**

Легитимация неформальных платежей в глазах сотрудников полиции

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
департамента социологии,
старший научный сотрудник
ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Коррупция не реализуется в социальном вакууме, ее необходимо рассматривать в привязке к социальным отношениям¹. Она укоренена в историческом и культурном контекстах, сцеплена со структурами, цементирующими политический строй государства, с установками и представлениями вовлеченных в нее акторов. Поэтому продвинуться в понимании коррупции можно, лишь сфокусировавшись на практическом содержании и смысле, которые приписывают подобным практикам их непосредственные участники. В этой статье мы сфокусируемся на аргументах, посредством которых российские полицейские легитимируют неформальные экономические практики. Полагая, что воспроизводство неформальных экономических практик в российской политике невозможно без принятия и нормализации этих практик их субъектами, мы фокусируемся именно на основаниях легитима-

ции, не затрагивая проблему легитимности самих практик.

В социологический аппарат концепт легитимности ввел Макс Вебер, который изначально разрабатывал его в контексте изучения механизмов социального признания и закрепления политического господства. Благодаря усилиям классика была заложена основа для целого ряда социологических традиций исследования основ подчинения социальных акторов различным институтам, в том числе и властным². Термин «легитимация», в свою очередь, в социологический анализ ввели П. Бергер и Т. Лукман. В их работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» понятие легитимации апеллирует скорее к когнитивным основаниям социального порядка, к тому, какие принципы оправдывают его, придавая нормативный характер его практическим императивам. Процесс легитимации порождает социальное знание о том, как устроен социальный порядок и какие способы поведения в его условиях являются допустимыми. Это знание усваивается индивидами на различных стадиях социализации³.

² Вебер М. Типы господства (фрагмент из книги «Хозяйство и общество») / пер. с нем. Е. Ляпуновой под ред. Н. Головина (п. 1–3). // Социологические исследования 1988, № 5. Подробнее об исследовании легитимности см.: Высоцкий А.Ю. Легитимность: анализ понятия // Грани. Д., 2003. № 1 (27). С. 109–113; Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС. 2001. № 2; Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; Levi M., Sacks A., Tyler T. Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 53. No. 3. P. 354–355; Tyler T.R. Enhancing Police Legitimacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2004. Vol. 593. No. 1. P. 84–99; Hawdon J. Legitimacy, Trust, Social Capital, and Policing Styles: A Theoretical Statement // Police Quarterly. 2008. No. 11. P. 182–203.

¹ Сиссенер Т.К. Феномен коррупции в антропологической перспективе // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб.: Алетейя, 2007. С. 61.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 151–152.

Эмпирическую основу нашей работы составляют данные двух параллельных проектов: «Исследования социально-экономических аспектов реформирования системы органов внутренних дел РФ в 2010–2012 годах» и «Неформальная экономическая деятельность полиции: сравнительный анализ трансформирующихся и развивающихся стран». В рамках этих проектов были собраны 11 глубоких интервью с российскими полицейскими. Кроме того, мы будем активно использовать содержание дискуссий на интернет-форуме сотрудников правоохранительных органов РФ. Учитывая закрытость социального института полиции как такового и чувствительность темы неформальных платежей, получаемых полицейскими, данные подобных дискуссий, возникающих и разворачивающихся в интернет-пространстве спонтанно, без участия исследователя, представляются значимым источником информации. В целом задача нашего анализа состоит в том, чтобы посмотреть на неформальные практики в полиции глазами самих полицейских. При этом, учитывая качественный характер данных, речь, конечно, идет о разведывательном исследовании и выстраивании гипотетической картины, предполагающей впоследствии верификацию.

Логика наших рассуждений будет следующей. Сначала мы, опираясь на эмпирические исследования различных неформальных экономических практик, обратим внимание читателя на факторы, которые могут способствовать оправданию этих практик в глазах участников. Далее, полагая, что усвоение когнитивных паттернов осуществляется в процессе социализации и этап профессиональной социализации играет здесь важную роль, мы кратко остановимся на социальной специфике полиции как профессиональной группы. После этого мы опишем основания для легитимации неформальных практик в глазах российских полицейских, выявленные в нашем исследовании.

Факторы легитимации неформальных экономических практик: по следам предыдущих исследований

В данной работе мы присоединяемся к группе социологов, изучающих неформальные экономические практики и настаивающих на необходимости проводить различие между нормативным и конструктивистским содержанием таких практик⁴. Смысл этого различия

состоит в том, что некоторые социальные практики квалифицируются как негативные, поскольку они противостоят господствующей хозяйственной идеологии, поддерживаемой государством⁵. При этом на микроуровне эти практики оказываются эффективным «способом решения многих проблем, связанных с несовершенством формальных правил»⁶.

Подобное видение ситуации заставляет многих исследователей отказываться от юридического определения коррупции как незаконного поведения лица, находящегося на общественной должности, направленного на удовлетворение его частных интересов. Данное определение предвзято и излишне сфокусировано на

несоответствии реальных практик абстрактным правовым нормам без внимания к социальному генезису этих практик⁷. Рассуждая таким образом, мы получаем возможность изучать социальные факторы воспроизводства неформальных экономических практик, в частности, говорить о факторах, вносящих вклад в их моральную оправданность и легитимацию.

Целый ряд обстоятельств может повлиять на то, какие не-

формальные сделки окажутся социально приемлемыми, а какие будут осуждаться общественностью. Например, полезно понимать, каковы последствия отказа от участия в коррупционной сделке, насколько вынужденной является данная сделка для участников, можно ли ее считать скорее делом личного выбора или результатом вынужденной необходимости.

Оправданность неформальных практик может быть связана с особым пониманием участниками расстановки сил и интересов. Андрес на примере Малави показывает, что там существует коррупционная практика, называемая *Katangale*, которая возникает не в результате индивидуальных решений, а как часть системы.

формальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования / под ред. И. Олимпиевой, О. Паченкова. СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 4–14.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Sik A., Wallace C. The Development of Open-air Markets in East-Central Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 697–714. (Цит. по: Олимпиева, Паченков 2003.)

⁷ Скотт Дж. Анализ коррупции в развивающихся странах // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции*. С. 21.

⁴ Олимпиева И., Паченков О. Неформальная экономика как социальная и исследовательская проблема (вместо предисловия) // Не-

Если другие участники тоже выигрывают от этой практики, то коррупционное поведение рассматривается как допустимое и морально оправданное⁸. За этой позицией стоит логика дележа, противопоставленная вою, где выигрывает лишь тот, кто его совершает. Олимпиева указывает на существующую в России уверенность в том, что формальные институты не работают совсем, поэтому фоновая коррупция рассматривается как эффективный способ взаимодействия с властью, а эндемическая коррупция, связанная с ритуалами преподношения подарков, и вовсе социально одобряется⁹.

Принципиальным является осознание актoрами существующего в государстве баланса интересов различных социальных групп. Так, практики регулярного подворовывания у государства, укоренившиеся в советские годы, укрепляют ощущение антагонизма интересов государства и отдельно взятого человека. «Государственные служащие утрачивают чувство лояльности по отношению к государству, не выполняющему своих обязательств, и тогда критерием моральности поведения для них становится не выполнение должностных инструкций, но непричинение вреда своим согражданам»¹⁰.

Моральная оправданность коррупционных практик тесно связана с представлениями о социальной справедливости. Сиссенер замечает, что его респонденты сетовали не на то, что чиновники нарушают правила, беря взятки, но на собственную социальную некомпетентность, непонимание, как вести себя, чтобы добиться желаемого¹¹. Скотт, в свою очередь, подчеркивает, что людей может раздражать не столько сам факт коррупции, сколько неравный доступ к участию в ней¹². Бляхер и Пегин, анализируя причины всплеска в России пу-

бличного недовольства проблемой коррупции, выдвигают гипотезу о том, что он обусловлен именно сужением доступа к ней для большей части населения¹³. Советская экономика была пронизана неформальными практиками, смягчающими проблему дефицита и амортизирующими социальную напряженность¹⁴. Пришедший ей на смену в 1990-е годы рынок административных услуг также устраивал большинство хозяйствующих акторов: «благодаря ему каждый обыватель получал возможность "купить" себе немного приватности и относительной независимости»¹⁵. Однако смена элит, произошедшая с приходом к власти В. Путина, повлекла за собой реструктуризацию этого рынка. В России сложилась

группа людей «с особым правовым статусом и степенью подсудности», в которую вошли, прежде всего, государственные служащие и работники правоохранительных органов. Практически повсеместная коррупция 1990-х годов, принимаемая обществом, сменилась на «элитарную», доступ к благам «незаконности» сузился и начал осмысляться как несправедливый, и потому неприемлемый¹⁶.

Полиция как профессиональная группа

В соответствии с социальными теориями, берущими начало в работах Т. Гоббса, делегирование права на применение легитимного насилия определенному органу является условием существования государства. По мере развития общества и накопления им «юридического капитала» системообразующая потребность определения полиции как органа реализации насилия снижается¹⁷. Однако это не отменяет того, что и в современном обществе институт полиции выполняет важную государствообразующую функцию. Именно ему вверяется функция реализации социального контроля, распадающаяся на три группы полномо-

⁸ Андерс Г. Подобно хамелеонам: государственные служащие и коррупция в Малави // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. С. 130.

⁹ Олимпиева О. Коррупция, антикоррупция и позиция социального ученого // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. С. 223.

¹⁰ Полезе А. Исследование различной природы незаконных трансакций в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 3. С. 58.

¹¹ Сиссенер Т.К. Феномен коррупции в антропологической перспективе. С. 65.

¹² Скотт Дж. Анализ коррупции в развивающихся странах. С. 39.

¹³ Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России // ПОЛИТИЯ. 2012. № 4 (67).

¹⁴ Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

¹⁵ Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 100.

¹⁷ Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.

чий: репрессивно-надзорные, социально-сервисные и бюрократически-лицензионные¹⁸. В качестве основных направлений деятельности полиции выделяются: регистрация, учет и разрешение заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях; профилактическая деятельность; выявление преступлений; раскрытие преступлений; розыск лиц; предварительное следствие; дознание; обеспечение общественного порядка, общественной безопасности и безопасности дорожного движения; оказание государственных услуг населению.

Здесь важно пояснить следующее: несмотря на то что список функций, записанных за правоохранительными органами, является очень разветвленным, оценки эффективности этой деятельности выстраиваются в первую очередь по критерию их борьбы с преступностью. Существует два принципиальных подхода к определению принципов деятельности полиции. Первый подход предполагает, что полиция является карательным органом, представляющим государство (*punitive approach*). Второй подход концептуализирует полицию как общественный орган, служащий интересам граждан. Несмотря на то что в первом случае интересы общества также формально приоритетны в рейтинге целей полиции, содержательно и практически он разительно отличается от ситуации, когда полиция существует «для людей» (*police for people*).

Исторический контекст позволяет пролить свет на особенности деятельности полиции в той или иной стране. Так, например, низкую коррумпированность полиции в США эксперты связывают с тем, что ее устройство было разработано миссионерами, изначально стремившимися защитить частную собственность и права частных лиц от возможного государственного рейдерства¹⁹. В свою очередь, история российской полиции уходит корнями в Разбойные приказы XVI–XVII вв. – органы управления, функция которых состояла в борьбе с разбоями²⁰. И пять веков спустя она все еще сохраняет в себе черты карательной.

Установка на борьбу с преступностью требует сокращать уровень преступности, выявлять, регистрировать преступления и, соответственно, раскрывать зарегистрированные преступления. Таковы сегодня ожидания общества по отношению к российской полиции. В публичном дискурсе, поддерживаемом российскими СМИ, зачастую рассуждают об оценке полиции в контексте уровня преступности в России. Ожидания общества сказываются и на установках самих полицейских. Эксперты говорят о гипертрофии силового начала в деятельности правоохранительных структур. Органы правопорядка как бы концентрируются только на том сег-

менте социальной жизни, который представлен девiantным поведением, и сами правовые институты таким образом оказываются вне «нормальных» социальных процессов²¹.

В это же время не будем забывать о том, что само государство как форма организации социальной жизни является противоречивым конструктом, с одной стороны, призванным удовлетворять общественные интересы большинства своих граждан, а с другой – являющимся арендой правления (в стабильные времена) и борьбы за власть (в эпоху перемен) доминирующих групп²².

На протяжении последнего десятилетия активно обсуждается, что российские полицейские утратили сознание «стражей всеобщего порядка» и принялись эксплуатировать свой властный ресурс в личных материальных интересах²³. Нам кажется, что к подобным рассуждениям стоит относиться очень осторожно, ведь по сути они указывают на то, что олицетворяющие государство правящие группы могут позволить полиции свободно распорядиться правом на легитимное насилие. Мы скорее согласны с исследователями, которые считают, что в настоящее время Россия стала на путь превращения в силовое государство²⁴. В таком государстве силовые органы не могут находиться в свободном от политического маршрута плавании. И потому, говоря о коммерциализации полиции, стоит обратиться к идее негласного договора между государством и сотрудниками общественных организаций.

Использование государством подобных неформальных контрактов не является открытием или откровением. В 2000-х годах Януш Корнаи продемонстрировал этот механизм на примере здравоохранения, показав, что весьма умеренные заработные платы врачей в Венгрии являлись результатом целенаправленной политики государства, которое считало широкое распространение неформальных платежей наименее болезненным решением для экономики²⁵. Также известно о том, что первоначально включение правоохранительных органов в коммерческую деятельность происходило на глазах и при сознательном попустительстве государства, опа-

²¹ Артемов В.М. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 52.

²² Волков В.В., Панеях Э.Л., Титаев К.Д. Произвольная активность правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью. СПб.: Европейский университет, 2010.

²³ Дубова А.Е., Косалс Л.Я. Включенность российских полицейских в теневую экономику // Отечественные записки. 2012. № 2; 9. Дубин Б., Гудков Л. Приватизация полиции // Индекс произвола правоохранительных органов. Оценки социологов и комментарии правозащитников. М.: Фонд общественный вердикт, 2005; Коленикова О.А., Косалс Л.Я., Рывкина И.В. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // Социологические исследования. 2004. № 3.

²⁴ Коленикова О.А. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 71.

²⁵ Kornai J. Hidden in an Envelope: Gratitude Payments to Medical Doctors in Hungary. 2000. URL: <http://hera.colbud.hu/main/PubArchive/DP/DP60-Kornai.pdf>

¹⁸ Гладарев Б. Профессия «российский милиционер» // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 135.

¹⁹ Как организована и работает полиция в США? URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2161950.html>

²⁰ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7

сающегося возникновения недовольства внутри системы²⁶.

Еще один важный сюжет, который необходимо осветить, говоря о полиции как о профессиональной группе, – это вопрос взаимодействия полицейских с законом. С обывательской точки зрения работа полицейских является идеальным воплощением следования букве Закона и его защиты. Однако, как показывают исследования, реальность вносит свои коррективы. На практике полицейским приходится нередко нарушать законы для того, чтобы выполнить свои функции по охране правопорядка²⁷. Важно понимать разницу между публично декларируемыми формальными нормами, формальными правилами процессуальной деятельности полицейских, неформальными операционными нормами и нарушениями со стороны сотрудников полиции. Неформальные нормы деятельности полиции не обязательно противоречат или нарушают формальные предписания или криминальные законы, но могут и находиться в оппозиции к ним обоим²⁸.

Пока еще накоплено недостаточно данных о том, как неформальная экономическая деятельность полицейских возможна на практике, каким образом она обосновывается и нормализуется в глазах непосредственных участников. Мы попытались разобраться в этом вопросе, реконструируя картину с позиции самих полицейских. Полученная картина – далеко не исчерпывающая, но, кажется, заслуживает внимательного отношения.

Основания для легитимации неформальной экономики в глазах полицейских

Достаточно общим местом в дискуссии о вовлеченности полицейских в неформальную экономику являются рассуждения о низком уровне их заработной платы как главном факторе, запускающем теневые практики. Наше исследование также свидетельствует в пользу значимости этого фактора, однако с небольшим уточнением. Очень часто разговор о низкой зарплате сотрудников полиции сводится к тому, что увеличение зарплаты может быть инструментом преодоления неформальной

экономики в этой сфере. Данные нашего исследования позволяют предположить, что такое видение ситуации не вполне отвечает действительности. Полицейские воспринимают свою низкую зарплату не как беду, с которой нужно либо мириться, либо бороться, а как негласное подтверждение их права на неформальные подработки: *«Знаете, есть такой анекдот. Дайте человеку палку и свисток и можно ему зарплату не платить»* (интервью, полковник полиции в отставке).

Более того, полицейские видят в своем положении намек на то, что государство ожидает: они не просто прокормят себя сами, но еще за собственный счет будут содержать правоохранительную систему в стране. И данные предшествующих исследований, и наши интервью пестрят примерами того, как полицейским приходится тратить собственные денежные средства на функциони-

рование правоохранительной системы. Как выражаются сами сотрудники «куча производственных издержек» ложится именно на их плечи.

«Например, была машина в сопровождении. “Мерседес” лхматого 94–95 года, прошедший около 600 тыс. км. Ее передали после того, как она сопровождала первых лиц государства, и ее уже должны были списать раз 10 точно. Но ее пытаются под-

держивать, и зачастую за счет средств своего отделения, т.е. есть некий механик, которому скидывают деньги на покупку чего-то, потому что, чтобы выписать что-то в гараже, этих денег нет просто» (интервью, Вадим, эксперт).

Еще один аргумент, оправдывающий участие в неформальных практиках, – их вынужденность для отдельного сотрудника. Желая продолжать работу в органах, сотрудник имеет мало возможностей не подчиниться бытующей групповой норме неформальных подработок. Важность этого параметра для понимания легитимности неформальных платежей в полиции состоит еще и в том, что фактически мы видим ситуацию, когда неформальные платежи нередко одобряются внутри круга полицейских, а осуждение приходит извне. Как свидетельствуют данные нашего исследования, тот факт, что полученные деньги не присваиваются единолично, но распределяются между коллегами, придает ситуации некий оправдательный моральный смысл в глазах сотрудников правоохранительных органов.

Не последнюю роль в легитимации неформальных платежей в глазах полицейских играет то, что можно обозначить как «фактор взяточдателя»: все-таки, за исключением особой группы практик, денежные платежи предлагаются населением.

²⁶ Коленникова О.А. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия. С. 70.

²⁷ Roebuck J. B., Barker Th. A Typology of Police Corruption // Social Problems. 1974. Vol. 21. No. 3. P. 426.

²⁸ Ibid. P. 424.

«Сложилось устойчивое мнение, что “ГАИшники все взяточники”... Я с этим в корне не согласен. Кто может так рассуждать? Только водители АМТ! Но те же водители, допуская нарушения ПДД, сами и выступают в качестве взяткодателя, и в первую очередь в качестве подстрекателя к взятке!» (из дискуссии на форуме сотрудников МВД РФ, 2011 г.).

Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживает вопрос о том, как полицейские относятся к тому, что любой неформальный платеж им противоречит закону о запрете на подработки. Выясняется, что закон этот подвергается весьма любопытной трактовке полицейскими. Он читается как закон о запрете на подработки посредством деятельности, не связанной с правоохранительной. Им понятно, почему полицейским нельзя заниматься частным извозом или работать в частной охране. Им также понятно, что закон о запрете на подработки за пределами системы не означает реального запрета на подработки внутри самой системы, особенно если эти подработки не мешают выполнению непосредственных обязанностей.

«Они же и не зарабатывают на стороне. Они берут вознаграждение за какие-то неформальные действия, санкции... Полицейские должны деньги зарабатывать с помощью выполнения непосредственно своих обязанностей. И работать непосредственно на своей должности. Кузнец зарабатывает тем, что он хорошо делает подковы. Повар зарабатывает тем, что он хорошо готовит. А мент должен зарабатывать тем, что он должен хорошо преступников ловить и в тюрьму их сажать» (интервью, Арсений, эксперт).

Так, например, охранные услуги, оказываемые полицейскими коммерческим фирмам, – это работа по обеспечению безопасности и разрешению споров, которая и без того входит в обязанности полицейских, но в нынешних российских реалиях частично оплачивается самими бизнесменами. Точно так же неформальная плата, полученная сотрудником ГИБДД вместо официального штрафа, не означает, что водитель, нарушивший ПДД, абсолютно не подвергается санкции за совершенное правонарушение.

На наш взгляд проблема установок российских полицейских в отношении закона требует специального и пристального внимания. Пока этой теме уделяется мало внимания, а вместе с тем в рамках нашего исследования мы²⁹ столкнулись с мнением полицейских о том, что бороться за правопорядок законными методами на практике невозможно. Полномочия полицейских на практике оказываются жестким панцирем, подчас мешающим делать непосредственную работу.

«Ну да, РОБОП в 90-х годах – для борьбы с криминальными структурами все методы хороши. Так как 100% законное им противостояние нереально, и неэффективно, потому что на стороне преступников есть рычаги закона, а на стороне правоохранительных органов таких нет, потому что превышение должностных полномочий и прочее» (интервью, полковник милиции в отставке).

Фактически речь идет о том, что преступление закона априори заложено в деятельность полицейских, и поэтому не воспринимается ими как нечто критичное. Логичным в данном контексте представляется вопрос, как сотрудники правоохранительных органов воспринимают необходимость выполнения своих непосредственных обязанностей. Данные нашего исследования подтверждают выводы коллег о том, что российские правоохранительные органы сегодня являются прежде всего органами, борющимися с преступностью, а не обеспечивающими правопорядок. Именно функция борьбы с преступностью задает смысловое содержание деятельности полицейских, проявляется не только в практических формах, но и закрепляется в идеологии³⁰.

«А что нравится в этой работе? – Вообще вся эта атмосфера. Это же игра в войнушку круглые сутки. Оперативная работа – это на самом деле интересно. Это же интересно. Это же как игра в войнушку, в казаки – разбойники, прятки, салки, догонялки. А быть в роле салки, да еще и с полным набором, бегать салить всех...» (интервью, Арсений, эксперт).

Заостренность функций полиции на борьбе с преступностью является важным фактором легитимации неформальных платежей там, где выполняемая работа непосредственно с преодолением преступности не связана. При этом с такой работой полицейские сталкиваются достаточно часто, и из-за бюрократизации их деятельности, требующей массы усилий на подготовку сопроводительной документации, и из-за того, что система АППГ+1 делает изначально второстепенный по своей сути вопрос получения «палок» основной целью их работы. Из-за существующего в России подхода к оценке деятельности полиции работа выполняется сотрудниками «на время». В результате часть обязанностей начинает восприниматься сотрудниками как отвлекающая от «настоящей» работы. При этом подобного рода обязанности могут составлять высокий процент реальной повседневной деятельности полицейских.

Заключение

Мы рассмотрели способы легитимации неформальных практик в глазах полицейских. Представляется, что некоторые из них поддаются управлению и упразднению, как, например, логика оправдания, связанная с несением полицейскими издержек по материальному поддержанию правоохранительной системы, логика оправдания, опирающаяся на низкий уровень заработной платы как на зеленый сигнал для повышения личного дохода за счет неформальных платежей.

В данной работе нам важно было обратить внимание читателей на тот факт, что некоторые неформальные практики, к которым прибегают полицейские, мыслятся ими как функциональные по своей природе. Последнее не является основанием для принятия этих практик обществом, но ставит вопрос о дифференцированности неформальных экономических практик в российской полиции и границах между ними.

²⁹ См. также: Roebuck J.B., Barker Th. A Typology of Police Corruption.

³⁰ Артемов В.М. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов. С. 51.

Социология и канадский рынок труда¹

Нил Гуппи

профессор департамента социологии Университета Британской Колумбии, Канада

В работе Чарльза Райта Миллса «Социологическое воображение»², проблематизирующей связь личных трудностей и общественных проблем, выпускники бакалавриата найдут важные идеи для понимания функционирования рынков труда. Поиск работы – личное дело каждого, но оно тесно связано с общественными проблемами. Упомянутые проблемы – контекст, в рамках которого люди ищут работу – это здоровье экономики, вероятность выхода на пенсию пожилых работников и уровень конкуренции за рабочие места в конкретных отраслях. Выпускники вузов, независимо от их специальности, сегодня попадают на плотный рынок труда. Финансовый кризис 2007–2008 гг. породил неблагоприятные последствия, которые заметны до сих пор, и лишь постепенно рынок труда приходит в себя. Далее мы сосредоточимся на выделяемых Миллсом общественных проблемах, чтобы выявить некоторые обстоятельства, в которых выпускники на-

чинают рискованное дело, связанное с поиском оплачиваемой работы, на несколько последующих лет.

Структура и размер рынка труда

Можно обозначить несколько ключевых трендов, которые свидетельствуют о том, что в будущем сложится благоприятная ситуация на рынке труда для выпускников бакалаврских программ по социологии. Во-первых, рынок труда расширяется. В 2010 г. примерно у 18,5 млн канадцев была оплачиваемая работа. По всей вероятности, к 2013 г. данная цифра увеличится до 20,5–22,5 млн³. Во-вторых, сектор услуг, в котором занято подавляющее большинство социологов, расширяется с еще большей скоростью. Хотя канадская экономика в значительной степени остается ресурсной, табл. 1 демонстрирует,

Таблица 1. Процентное распределение экономической активности по секторам в Канаде (2010 г.)

Экономический сектор	% произведенных товаров / услуг (стоимость, в долл.)	% рабочих мест
Сельское хозяйство	2	1
Промышленность	29	23
Услуги	69	87

Источник: Statistics Canada, CANSIM, таблица 282-0008

что абсолютное большинство рабочих мест и львиная доля валового продукта обеспечиваются сектором услуг: например, такими сферами, как коммуникация, образование, финансы, здравоохранение и транспорт. Свыше 87% рабочих мест приходится на сектор услуг. Известно, что некоторые позиции в индустрии услуг предполагают низкую оплату и слабый уровень защищенности (*MCjobs*), но значительная их доля представляет собой хорошие рабо-

ты со стабильными карьерными траекториями. В-третьих, в последние годы пожилые работники откладывали выход на пенсию не только по причине улучшающегося здоровья, но и из-за финансового кризиса и его влияния на пенсионную систему.

Помимо вышесказанного, есть еще хорошие новости. Если кратко, то рынок труда для выпускников с бакалаврской степенью по социологии также будет расширяться в следующие несколько лет, поскольку спрос на работников возрастет по мере того как пожилые работники будут уходить на пенсию.

Степени по социологии

Количество студентов, получающих степени по социологии, увеличивается. На рис. 1 представлено количество выпускников бакалаврских программ по социологии с 1970 по 2012 г. Очевидно, что мы имеем дело с возрастающей кривой. Правда, увеличение количества степеней, присуждаемых выпускникам социологических программ, обусловлено главным образом ростом общего количества выпускников канадских университетов, а не повышением доли студентов, получающих дипломы по социологии или специализирующихся в социологии. Важно отметить, что представленные цифры являются устойчивыми, особенно учитывая тот факт, что в последние десятилетия открывалось много новых образовательных программ,

напрямую конкурирующих за студентов, которые в прежние времена часто выбирали социологию (например, программы по криминологии, экономическому развитию).

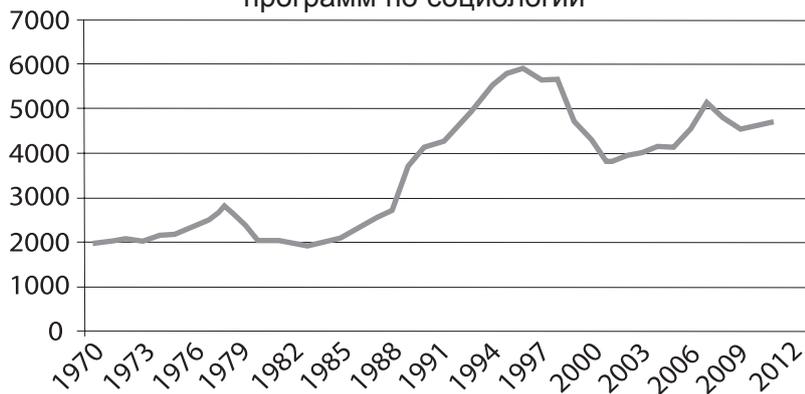
Также стоит обсудить вопрос о слабом соответствии (*loose fit*) (или о слабом сцеплении (*loose coupling*), если выразаться социологическим языком) образовательных степеней и рабочих мест, что проявляется в двух важных аспектах. Во-первых, существует мало позиций, в названии которых в явном виде говорится о «социологе». Такие позиции есть в Канадской службе государственной статистики «Statistics Canada», в высшем образовании, но отсутству-

¹ Источник: Guppy N. Sociology and the Canadian Labour Market // Think Sociology! 2013. Vol. 2. Iss. 1. P. 2–3. URL: <http://soci.ubc.ca/files/2014/01/Fall-2013-web.pdf>

² Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: NOTABENE, 2001.

³ Martel L. et al. Projected Trends to 2031 for the Canadian Labour Force // Canadian Economic Observer. 2011. August. Statistics Canada 11-010-X.

Рисунок 1. Количество выпускников бакалаврских программ по социологии

Источник: Statistics Canada, количество бакалавров по сферам обучения

ют во многих других учреждениях и сферах. Многие менеджеры, юристы, специалисты по планированию и прочие имеют первую степень по социологии, но профессиональную степень (например, степень бакалавра права – LLB или степень магистра в области права – JD) получили в рамках

соответствующих программ позднее. Таким образом, их социологический бэкграунд часто оказывается незаметным и скрытым за новыми профессиональными идентичностями. Контекст любого рынка труда, для которого характерно слабое сцепление, предполагает, по крайней мере, два сильных последствия. Во-первых, он формирует у вас соответствующие ожидания. Вы не встретите изобилия объявлений о вакансиях или не узнаете через сарафанное радио о многих

из них с пометкой «разыскивается социолог». Во-вторых, работодатели предлагают позиции, где ценятся навыки, которыми вы обладаете, но вам необходимо приложить усилия, чтобы найти эти вакансии. Профессиональные сети юристов или специалистов по планированию далеки от социологов со степенью бакалавра. Распознавание возможностей или идентификация позиций, где вы можете преуспеть, требуют усилий. Такое слабое сцепление между обра-

зовательными дипломами и карьерой характерно для многих областей обучения. Перечислим лишь малую толику подобных примеров: антропология, английский язык, география, история и политические науки.

Места работы социологов

Итак, абсолютно закономерен вопрос: что же вам делать со степенью бакалавра по социологии? Список работ, приведенный в табл. 2, дает вам конкретные примеры по трудоустройству социологов. Необходимо уточнить несколько важных моментов по поводу этого списка. Во-первых, этот список далеко неполный. Во-вторых, в разных организациях по-разному именуется одни и те же виды работ. В-третьих, многие из перечисленных видов работ могут выполнять выпускники иных специальностей в социальных науках (еще один результат слабого сцепления). Закончить статью нам следует обращением к сравнительной перспективе. Сфера услуг расширяется не только в Канаде, но и в других странах. В развитых странах экономический рост обусловлен степенью, в которой он происходит в первую очередь в сфере услуг. Когда этот тренд дойдет до развивающихся или формирующихся экономик, рабочие места в сфере услуг там будут олицетворять основные сегменты экономического роста. Это тоже хорошие новости для выпускников социологических программ, поскольку международные возможности в глобальном мире расширяются.

Заключение

Понимание общественной природы сил, воздействующих на динамику рабочей силы, помогает в оценке вашего движения на рынке труда. Это продвижение оформляется одновременно и вашими собственными усилиями, и личной биографией, но также и более масштабными контекстуальными факторами, обуславливающими рост и сокращение рабочих мест.

Таблица 2. Пункты назначений профессионального движения социологов со степенью бакалавра в более широких сегментах рынка труда

Business

- actuary
- administrative assistant
- advertising officer
- computer analyst
- consumer relations
- data entry manager
- human resources specialist
- insurance agent
- journalist
- labour relations officer
- market analyst
- merchandiser/purchaser
- personnel officer
- production manager
- project manager
- public relations officer
- publishing officer
- quality control manager
- real estate agent
- sales manager
- sales representative
- technical writing

Community Affairs

- addictions counselling
- adoption counselling
- caseworker

- child development
- community organizer
- environmental organizer
- family planning
- fundraising
- gerontologist
- group home programmer
- health outreach work
- homeless / housing worker
- hospital administration
- housing coordinator
- marriage / family counselling
- occupational / career counsellor
- public health worker
- rehabilitation work
- residential planning
- social assistance advocate
- welfare counselling
- youth outreach

Government

- affirmative action work
- community affairs
- development aide
- foreign service work

- human rights officer
- information officer
- legislative assistant
- personnel coordinator
- policy research
- urban / regional planner

Social Research

- census officer/analyst
- consumer researcher
- data analyst
- demographer
- market researcher
- social research specialist
- survey researcher
- systems analyst

Teaching / Education

- admissions counsellor
- alumni relations
- continuing studies
- post-secondary recruitment
- public health educator
- records & registration
- school counselling
- student development
- teacher

Лавка экономико-социологических чудес!¹

БЕСТСЕЛЛЕР БЕСТСЕЛЛЕР

Артикул ЭС-68-115
Наименование товара

Статья в международном рецензируемом журнале первого квартала

Цена
Перерождение, полная потеря памяти и посещение тренинга «Как за 7 дней забыть русский язык»

БЕСТСЕЛЛЕР БЕСТСЕЛЛЕР

Артикул ЭС-68-116
Наименование товара

Эликсир для привлечения нужных вам респондентов

Цена
Потеря 100 друзей

БЕСТСЕЛЛЕР БЕСТСЕЛЛЕР

Артикул ЭС-68-117
Наименование товара

Стажировка в лучшем зарубежном университете, специализирующемся на нужной вам теме!

Цена
Счастливый брак

В неизведанных уголках нового здания на Мясницкой, д. 9–11, располагается магазинчик. Вывески на нем нет, поскольку прибить ее еще не успели. Однако каждый обитатель этого здания подозревает что-то неладное. И многие уже начинают догадываться, что где-то на пятом этаже спрятана лавка чудес, в которой продаются желания.

Ассортимент лавки огромен. Здесь можно купить практически все: любимую работу, признание студентов, победу в конкурсе, звание современного классика экономической социологии и многое другое. Не продаются только жизнь, смерть и увольнения. Ими занимаются в головном офисе – в здании напротив.

Однако не каждый может позволить себе купить желание в этой лавке. Многие, увидев непомерные цены,

разворачиваются и уходят восвояси. Неоспоримым достоинством лавки является то, что любой ее посетитель, даже если ничего не приобретает в ней, может узнать цену своему желанию. Например, популярность у студентов можно приобрести в обмен на шапку-невидимку, которую принято надевать сразу после того, как прочитаешь лекцию (или потребуется научиться проводить лекции в формате «4D», или попрощаться с верой в то, что преподаваемый предмет лучше тебя знает только Всевышний).

В преддверии Нового года мы хотим подробнее познакомить вас с ассортиментом Лавки экономико-социологических чудес на случай, если вы захотите приобрести себе или кому-то желание в подарок.

¹ Написано по мотивам притчи «Лавка желаний». URL: <http://alineapro/articles/pritcha-lavka-zhelaniy>

ОСНОВНОЙ АССОРТИМЕНТ		ОСНОВНОЙ АССОРТИМЕНТ	ОСНОВНОЙ АССОРТИМЕНТ
Артикул	Наименование товара	Цена	
ЭС-68-118	Абонемент на освобождение от административных обязанностей для реализации эмпирического исследования (сроки абонементов: 3 часа, 6 часов, 24 часа)	Заседание в межфакультетских комиссиях (3 часа, 6 часов, 24 часа)	
ЭС-68-119	Книга, которую вы давно хотели прочесть (аудиозапись, читает автор)	Пересказ детям собрания сочинений А. Дюма	
ЭС-68-120	Собрание сочинений В. Радаева «Экономическая социология» (издания 1994–2008 гг.)	Без запинки ответ на вопрос о предмете экономической социологии	
ЭС-68-121	«Отрезвин»: пилюли для оценки внешней валидности результатов исследования	Выступление на ежегодной конференции экономистов	
ЭС-68-122	Тренажер устойчивости к критическим замечаниям	Написание не менее пяти рецензий на работы и проекты коллег	
ЭС-68-123	Обереги. В ассортименте (против злостного рецензента, против настойчивого научного руководителя, против новой и срочной отчетности)	Подтверждение, что в течение года не был нарушен ни один дедлайн и все работы выполнялись не в последний момент, а заранее	
ЭС-68-124	«Pshik and Thick»: средство для избавления от лишней воды в научном тексте	Предоставление научного текста	

АКЦИЯ ДНЯ!		АКЦИЯ ДНЯ!	АКЦИЯ ДНЯ!
Артикул	Наименование товара	Цена	
ЭС-68-125	Мониторинг экономического положения и здоровья населения. Panel-pack!	Дневник наблюдения за поведением покупателей в бутике «Гусси»	
ЭС-68-126	Ужин со звездой (участвуют – М. Грановеттер, Н. Флигстин, Б. Уцци)	Проведение за свой счет международной конференции с приглашением минимум 250 профессоров и доцентов из ведущих международных вузов	

ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ		ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ	ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ
Артикул	Наименование товара	Цена	
ЭС-68-127	Статья в Социологическом вестнике Урюпинского государственного железнодорожного университета	Индекс Хирша пожизненно равен нулю	
ЭС-68-128	Членство в Национальной социологической ассоциации Зимбабве, Economic Sociology Network	Знание магического ритуала, позволяющего вступить в круг, и демонстрация титула садового мага	

СНЯТО С ПРОДАЖИ

Артикул	Наименование товара	Цена
ЭС-68-129	База социологических данных «Life is life» компании «CoPy&PasT»	Проверка 10 000 студенческих работ Урюпинского государственного железнодорожного университета
ЭС-68-130	Сборник докладов международной конференции «Спиритические встречи с Максом Вебером»	Прохождение медосмотра с обязательным посещением профпатолога, невролога, психиатра, нарколога и др. Периодичность – раз в полгода

СНЯТО С ПРОДАЖИ

СНЯТО С ПРОДАЖИ

СНЯТО С ПРОДАЖИ

Бесплатные выпуски социологического ньюслеттера «Поле, русское поле...» и пластмассовая чашечка недорогого растворимого кофе всегда ждут вас в Лавке экономико-социологических чудес!

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии,
старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
старший преподаватель департамента со-
циологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Вероника Зигль

научный сотрудник Института
социальной антропологии Университета
Берна, Швейцария
veronika.siegl@anthro.unibe.ch

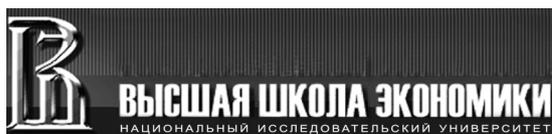
Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
старший преподаватель департамента
социологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ
eberdysheva@hse.ru

Нил Гуппи

профессор департамента социологии
Университета Британской Колумбии,
Канада
neil.guppy@ubc.ca

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>